

РЭНДИ СИНГЕР

**МЕРТВЫЕ АДВОКАТЫ
НЕ РАССКАЗЫВАЮТ СКАЗКИ**

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

НКС
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2016

ББК 86.37
С38

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

DEAD LAWYERS TELL NO TALES

by Randy Singer.

Printed in Russian by Visson Publishing
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.

All rights reserved.

Сингер, Рэнди

С38 Мертвые адвокаты не рассказывают сказки / Пер. с англ. —
СПб.: ЛКС, 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-94861-217-1 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-84-6 (Виссон)

В очередной раз Рэнди Сингер предлагает читателям мастерски написанную судебную драму с лихо закрученным детективным сюжетом. Рассказанная автором история о любви и ненависти, верности и предательстве, возмездии и прощении не только развлечет, но и заставит задуматься над непростыми вопросами, которыми задаются герои романа: допустимо ли нарушать закон ради абстрактной справедливости и всегда ли цель оправдывает средства?

ББК 86.37

ISBN 978-1-4143-8675-1 (Tyndale House Publishers)

ISBN 978-5-94861-217-1 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-84-6 (Виссон)

© Randy D. Singer, 2013

© Издательство «Виссон», 2016

При написании этой книги я вспомнил, как мне повезло с наставниками в сфере юриспруденции. Им я и посвящаю эту книгу: Палмеру Резерфорду-младшему, Конраду Шамадайну, Джону Пирсону-младшему и Брюсу Бишопу. Надеюсь, однажды я стану юристом, достойным ваших вложений.

Пролог

*Пятнадцать лет назад
Дамаск, Сирия*

Крики не прекращались.

Жалобные крики о помощи, которые врезались в уши. Голос просил. Умолял. Когда-то красивый и завораживающий, сейчас он был искажен болью и страхом. Это был голос Фатины Наджар, его возлюбленной. В ответ на очередной вопрос мучителей женщина торопливо выпалила по-арабски, что ничего не знает. Она находилась в соседней камере, такой же темной заплесневелой дыре, как и его. Пахло испражнениями и блевотиной. Они устроили все так, чтобы ему было слышно.

Сирийские охранники задавали вопросы с глухим раздражением:

- Ты работаешь на американское ЦРУ?
- Ты влюблена в господина Финикса?
- Что ты ему рассказала?

В их допросе был своеобразный дурной ритм. Шон заметил, что они сначала задают вопросы, а затем начинают обвинять. Голоса их были спокойны и сдержанны, чтобы Фатина поняла, что эмоции не являются частью игры. Из-за рыданий ее попытки оправдаться были едва слышны. Она умоляла поверить ей. Обвинения и оправдания продолжались с полчаса, быть может, чуть больше. Спокойные голоса обещали, что если она скажет правду, все тут же кончится.

Но она молчала. Она оставалась сильной. И верной.

Затем к звукам в соседней камере добавились новые громкие голоса, в которых звучала угроза. Они рассказывали Фатине, что последует дальше, и порой срывались на гневный крик.

Вновь слышались спокойные голоса:

— Мы не сможем помочь, если ты не скажешь правду.

Как раз в этот момент мужчина в камере Шона, огромный сирийский военный с растрепанной бородой и волосатой грудью, вытащил изо рта у пленника кляп. Ноги Шона были широко разведены, на лодыжки надеты кольца, прикрученные к полу. Руки также были растянуты и запястьями прикреплены к стене, так что тело его походило на большую букву Х.

Руки уже давно онемели. Но Шона охрана пока и пальцем не тронула. Он был американцем. Подозреваемым в работе на ЦРУ, но все же американцем. Он знал, что в данный момент Государственный департамент как раз втайне обсуждал вопрос его освобождения. Успех переговоров зависел в том числе от того, смогут ли они с Фатиной сохранить самообладание и не дать сирийцам никакой информации, за которую те могли бы зацепиться. Сколь бы ничтожны ни были шансы, он надеялся, что Госдепартамент договорится и об освобождении Фатины, хотя с этим могли возникнуть трудности. В любом случае, если она признается, их уже ничто не спасет.

Об этом он напоминал себе, когда было тяжелее всего. Его тюремщик погасил сигарету и встал, чтобы достать кляп, и в обеих камерах воцарилась тишина.

Он посмотрел Шону прямо в глаза — дыхание его было еще хуже, чем тошнотворный воздух камеры, — и потребовал ответа. При себе у него был диктофон, который он даже не подумал скрыть.

— Знаешь, что мы сделаем с твоей девчонкой? — спросил он. Голос его был ровным и спокойным, как будто речь шла о чем-то незначительном.

— Она ни при чем. И ничего не знает. Меня оставьте, а ее отпустите.

Сириец даже прихрюкнул:

— Ох уж эти американцы! Такие благородные. Такие героические. — Он помотал головой с деланой грустью. — И такие неспособные держать свои руки подальше от наших женщин.

Именно Шон был виноват в том, что пытали Фатину. Сначала они подружились, потом он завербовал девушку, а в итоге влюбился в нее. Теперь они с Шоном работали на ЦРУ. При помощи

своей красоты и обаяния она вытягивала секретные сведения из одного из самых влиятельных людей Сирии. По-арабски ее имя значило «пленительная, неутомимая сила, лишаящая покоя». Сирийский генерал, любивший похвастаться своими достижениями любовнице, на которую он так желал произвести впечатление, в полной мере ощутил на себе действие этой силы, и даже более того. Но когда он застал женщину с Шоном, все резко переменялось, и страсть превратилась в ненависть.

А теперь ненависть уступила место желанию поэкспериментировать. Как можно сломать Шона и Фатину? Как заставить их говорить?

— У тебя нервная любовница. Она любит отбиваться. Но мы постоянно меняем людей, — ухмыльнулся допрашивавший. Он находил извращенное удовольствие в созерцании той боли, которая читалась на лице Шона. — Мой американский друг, у тебя столько власти. Ты можешь прекратить немедленно все то, что я вынужден описать тебе столь подробно. Просто чтобы ты понял, что будет дальше. Только ты один во всем мире, — он поднял руку вверх, позволив себе немного напускного драматизма, — можешь прекратить мучения этого бедного создания.

Сириец оперся руками о стену за головой Шона и наклонился к своему пленнику:

— Ты работаешь на американское Центральное разведывательное управление?

Шон лишь помотал головой.

— Любишь женщину в соседней камере?

— Я же уже сказал. Мы любим друг друга. Это запрещено?

— Она делилась с тобой секретами?

— У всех есть свои секреты.

— Умно. Но ты знаешь, о чем я. — Мужчина шагнул назад и начал в мельчайших подробностях описывать надругательства и пытки, которым они собирались подвергнуть Фатину. Шон закрыл глаза и попытался отстраниться от образов, всплывавших в его воображении.

Закончив описывать ужасные картины, сириец дал Шону пару минут на размышления. Тот воспользовался моментом, чтобы прокричать Фатине несколько слов ободрения.

Сириец помотал головой и затолкал кляп обратно Шону в рот.

Когда крики Шона стихли, сириец обратился к мужчинам в соседней камере.

— Господин Финикс заявляет, что ничего не знает, — прокричал он. — Говорит, стоит порасспрашивать Фатину. Говорит, мы можем делать с ней что угодно.

Мужчина сел и снова закурил. Через пару минут возобновились страшные крики.

Допросы продолжались еще два дня. Потом Шона Финикса отпустили. Невредимым. Нетронутым. Угроза государственной безопасности миновала.

На инструктаже в посольстве США он узнал, что Госдепартамент отказался от каких-либо связей с Фатиной Наджар и заявил, что ему ничего неизвестно о ее отношениях с Шоном. Они даже не пытались вести переговоры о предоставлении ей политического убежища или надавить на сирийские власти с целью ее освобождения. Власти жестко обратились к Сирии с единственным требованием: освободить невинного американского бизнесмена Шона Финикса. По заявлению Госдепартамента, он не был американским шпионом. А любовь к сирийской женщине не является международным преступлением.

Эту тактику утвердили на высшем уровне. Директор ЦРУ лично проинструктировал команду, которая вела переговоры, чтобы они ничего не признавали. Он был уверен, что Шон и Фатина не расколются. Правая рука директора, адвокат и бюрократ, чья жизнь никогда не подвергалась опасности, убедил начальника, что переговоры об освобождении Фатины равносильны признанию в ее шпионаже. Международный скандал никому не был нужен. Порой приходится пожертвовать кем-то одним ради общего блага.

После инструктажа Шон вернулся в свою квартиру в центре Дамаска. Ему было приказано собраться и готовиться к вылету в США на следующий день. Вместо этого он разрабатывал план собственной войны. Во время ареста сирийцы конфисковали его оружие и патроны, так что придется обзавестись новыми на улицах Дамаска. И, хотя он не был специалистом по взрывчатке, собрать простую бомбу из удобрений смог бы. Рано утром он в оди-

ночку нападет на тюрьму. Он понимал, сколь ничтожны шансы на успех, но скорее погиб бы, пытаясь освободить Фатину, чем жил бы с мыслью о том, что ничего не сделал.

В полночь в его квартиру ворвались три агента. Они сообщили Шону, что его рейс перенесли. Разразилась громкая перебранка, переросшая в драку. Его выволокли из квартиры в бессознательном состоянии. Очнулся он на борту самолета, летевшего в Германию.

Спустя полчаса после прибытия на американскую землю Шон встретился лично с директором ЦРУ. Высокий чин назвал его героем и начал распинаться о жертвах, которые необходимо принести ради верховенства права. Он сожалел, что не может вручить Шону медаль, но не сомневался, что тот поймет. Анонимность была частью их сделки. А еще он сожалел, что не получилось сделать для Фатины больше, чем они смогли. Она не выжила.

Также директор разглагольствовал о том, что нужно дать Шону отпуск, а затем — новое задание и прибавку к зарплате. Но Шон сдал свое удостоверение. Выйдя из офиса, он составил список всех сирийцев и американцев, причастных к смерти Фатины. Он поклялся вычеркивать эти имена из списка по одному, пока возмездие не свершится.

Шону надоело слушать речи о верховенстве права и цене свободы. Его бесили эти напыщенные павлины, которые жили и работали в роскошных офисах, но только и могли что рассуждать о высоких принципах, которые они на самом деле ни во что не ставили.

Патриотизм. Демократия. Свобода. Все это были слова, с помощью которых власть имущие заставляли людей вроде Шона плясать под свою дудку. А когда людей у власти прижимали к стене, подобные Шону и Фатине становились расходным материалом. Списанным имуществом. Еще одной жертвой. Еще одним средством минимизации ущерба.

Шону Финиксу это надоело. Должно же быть что-то лучше.

1

Атланта, Джорджия

Лэндон Рид освободился из двухлетнего тюремного заключения теплым и душным августовским утром. Он был одет в джинсы, серую футболку и сандалии, которые Керри привезла за день до этого. Лэндон прищурился и вышел из полумрака тюремного здания округа Фултон на яркий солнечный свет. В руках он держал бумажный пакет с костюмом и туфлями, которые были на нем в зале суда два года назад, когда он признал свою вину. Еще там лежали солнцезащитные очки, но он решил не надевать их, чтобы не создавать неправильного впечатления: мол, бывший квотербек, звезда колледжа, все еще пытается выглядеть крутым.

Свой срок он получил за организацию договорных матчей, поэтому неудивительно, что встречать его не приехал никто из бывшей команды, кроме лучшего друга и центрального игрока верзилы Билли Терстона. Пока Лэндон сидел за решеткой, Билли подписал контракт с «Грин-Бэй пакерз».

Репортеры встали полукругом перед Лэндоном, камеры фиксировали все происходящее. Те же репортеры, что распинали его два года назад, вернулись зафиксировать момент его освобождения и вновь подогреть гнев фанатов команды Юго-Восточного университета. Лэндон от них не скрывался. Он понес заслуженное наказание. В тюрьме он изменился, озлобленность уступила место раскаянию. Но он не ждал от людей понимания.

Обнимаясь с матерью и старшей сестрой, он держал себя в руках. Они не проронили ни слова, понимая, что камеры все фиксируют. Керри ждала своей очереди, как ждала все два года, —

верная данному слову, претерпевшая поношения от большинства старых друзей. У ее ноги стояла маленькая девочка, которая — Лэндон был в этом уверен — вырастет такой же волевой, независимой и красивой женщиной, как ее мама. Мэдди родилась, когда Лэндон уже был за решеткой. Ему еще ни разу не довелось поддерживать ее на руках вне стен тюрьмы.

Лэндон и Керри обо всем договорились. Они слегка обнимутся, потом Лэндон скажет прессе в нескольких словах, как он ценит верность Керри. Ответит на пару вопросов. Они будут вести себя сдержанно. Все эмоции останутся на потом.

Но когда Керри подошла к нему, чтобы обнять, все договоренности были забыты. Она разрыдалась. Неудержимые слезы катились и по его щекам. Керри уткнулась лицом в его плечо, объятия их длились намного дольше, чем планировалось. Малышка Мэдди оказалась между родителями, обхватив обоих руками за шеи. Для прежнего Лэндона, лихого квортербека, каким он был три года назад, подобное проявление чувств было недопустимо. Но теперь он стал совсем другим. После того как тебя на виду у всей страны на протяжении нескольких месяцев полоскали в прессе, плакать на людях уже не страшно.

Вопросы посыпались еще до того, как маленькое семейство расцепило руки. Керри передала Мэдди Лэндону и повернулась лицом к репортерам. Девочка отвернулась от них и крепко вцепилась в отца. Для ребенка, которому еще не исполнилось двух лет, это было слишком.

— И какие у вас теперь планы?

— Вы собираетесь вернуться к карьере футболиста?

— Что-нибудь хотите сказать партнерам по команде и тренерам?

Лэндон отвечал всем по очереди:

— Наверняка моя футбольная карьера окончена. *Кто теперь меня возьмет?* Спасибо всем, кто оставался рядом все эти два года. — Он положил руку на плечо Керри и кивнул в сторону матери и сестры, стоявших по другую сторону от него. Его мать, от природы стройная женщина, теперь выглядела совсем худой, по ее лицу текли слезы. Заключение сына сильно состарило ее. — Прощу прощения, что подвел своих товарищей, тренеров и поклонников. Я понимаю, что никогда не смогу возместить ущерб, нанесенный Юго-Восточному университету и своей репутации. — Керри

высоко подняла голову, словно стояла рядом с принцем. Мать и сестра тоже не опускали взглядов. — Я особенно благодарен Керри за то, что она ждала меня все два года. Конечно, я не стал бы ее винить, уйди она к кому-то другому. Если говорить о том, что я собираюсь делать, то в первую очередь — укреплять наш союз.

Керри легонько сжала его запястье. Вопросы продолжали сыпаться, и он спокойно отвечал на каждый. Репортеры порой были очень циничны. Брак — это, конечно, хорошо, но как насчет возвращения на поле?

— То есть ни одна команда НФЛ не связалась с вами?

— Именно.

— Собираетесь ли вы попробовать вступить в какую-нибудь команду?

Билли Терстон решил, что этого достаточно. Он встал между Лэндоном и микрофонами и заговорил:

— Давайте уважать право этой семьи на личную жизнь и позволим господину Риду продолжить восстанавливать разрушенное. — Затем, как это часто бывало в прошлом, он расчистил дорогу своему квотербеку.

Репортеры просто решили, что должны повторять свои вопросы громче, и стали выкрикивать их в лицо Лэндону и другим, пробиравшимся к парковке. Лэндон не первый раз был в центре внимания и знал, что делать. Если уж решил, что пресс-конференция окончена, так опусти голову, не обращай внимания на журналистов и продолжай движение.

Они уже почти вырвались из окружения, как Лэндон заметил пожилого репортера Бобби Вулриджа из «Атланта джорнэл-конститьюшен». Он всегда был более чем честен. Бобби верил в исправление бывшего футболиста и пару месяцев назад написал статью о его обращении в тюрьме. Бобби дал понять, что не собирается, в отличие от остальных, продвигать себя за счет этого материала.

— Есть планы на служение? — негромко спросил он.

Лэндон слегка ухмыльнулся и продолжил движение:

— Нет, Бобби. Вряд ли я подхожу на роль служителя.

— Как вы собираетесь кормить семью?

— Что-нибудь придумаю, — ответил Лэндон. Он очень хотел рассказать Бобби. Рано или поздно все равно все узнают. Но они

с Керри уже все решили. Они будут держать свои планы в секрете, пока их не оставят в покое. В тюрьме он закончил-таки учебу. Они собирались начать новую жизнь вдали от Атланты, в городе, богатом на историю, но не на фанатов Юго-Восточной конференции*.

— Удачи, — улыбнулся Бобби.

Билли припарковал свой «лендровер» вторым рядом, так что все запрыгнули в машину, а репортерам оставалось лишь сделать пару последних снимков. Когда они немного отъехали, Лэндон почувствовал, как начало спадать напряжение. Он вновь был свободен. И мог делать что угодно.

— Куда теперь? — спросил Билли. — За пиццей? Бургерами? Или в университет? — Билли всегда рад был перекусить.

Но Лэндон должен был сдержать одно обещание.

— В церковь Троицы, — отозвался он. — У нас есть и друг жениха, и девочка, которая понесет цветы. Не стоит давать невесте возможность передумать.

Керри сидела позади с Мэдди. Наклонившись вперед, она взяла Лэндона за плечо.

— Она думала два года, — улыбнулась Керри. — И теперь не собирается просто убежать в страхе.

Шесть месяцев они планировали этот день, и Лэндон все не мог поверить, что он наступил. Конечно, это была не свадьба их мечты, но его подруге было уже все равно. Керри не поколебал даже отказ ее родителей приехать. Она сказала, что они вместе. Разве им нужен кто-то еще?

Днем служитель небольшой церкви, прихожанкой которой была Керри, официально обвенчал их. Керри Андерсон стала Керри Рид. И когда они дали обещание не расставаться ни в горе, ни в радости, служитель сделал небольшую паузу и повернулся к Керри.

— Ну, с этим вы уже справились, — проговорил он.

* Юго-Восточная конференция (Southeastern Conference, *сокр.* SEC) — американское студенческое спортивное объединение. В него входят 14 команд университетов, находящихся преимущественно на юге США. Считается одним из самых безупречных с точки зрения репутации и весьма успешным в финансовом отношении. — *Примеч. ред.*

Керри с Лэндоном улыбались. И не прекращали улыбаться, пока служитель не объявил их мужем и женой.

Чуть позже Керри сказала, что более романтичной свадьбы она и представить не могла. В небольшом храме их было всего семеро, и это придавало церемонии камерность. Керри призналась, что улыбалась, потому что все происходящее казалось ей совершенно нереальным, она даже порывалась ущипнуть себя. Они трое наконец-то становились официальной семьей. Она теперь миссис Лэндон Рид. Папа Мэдди наконец-то будет дома.

Лэндон так и не сказал, почему улыбался он. Ему, как и Керри, казалось, что он спит. Все два года за решеткой он боялся, что Керри в любой момент может передумать, найти себе кого-нибудь другого и сбежать. Она была красива, умна и оптимистична. Но всегда возвращалась. И теперь Лэндон женился на ней.

От этого любой мужчина заулыбается. Но было еще кое-что. Их медовый месяц начинался тем же вечером.

2

Комитет по личностным качествам и профпригодности при Квалификационной комиссии коллегии адвокатов Вирджинии состоял из пяти юристов. Перед ними стояла нелегкая задача: решить, обладают ли выпускники юридических колледжей, которые сдали экзамен на адвоката, личностными и деловыми качествами, необходимыми для осуществления юридической практики, и есть ли тому явные и убедительные доказательства. На практике члены комитета должны были выявить потенциальных юристов, продемонстрировавших склонность ко лжи, обману или воровству, а в редких случаях совершивших и более тяжкие преступления. Комитет заслушивал аргументы молодых адвокатов с запятанным прошлым, стремившихся работать, и давал рекомендации Квалификационной комиссии коллегии адвокатов Вирджинии: казнить или помиловать.

Члены комитета собирались в глубине огромного зала судебных заседаний, на втором этаже здания Комиссии по корпорациям в Ричмонде. Обычно они размещались за столом адвокатов, а будущий юрист сидел на стуле, одиноко стоящем перед возвышением, где находилось место судьи. У него не было ни стола, ни свидетельской трибуны, за которыми он мог бы спрятаться; начинающий юрист чувствовал себя совершенно незащищенным. С некоторыми из этих молодых людей или девушек приходили их адвокаты. Те, кто не мог позволить себе адвоката, просто сидели на стуле, представляя себя. Для проигравших это становилось единственным делом, за которое они вообще брались.

Лэндон Рид поговорил с несколькими адвокатами, но за его дело никто не взялся. Прошло три года после выхода из тюрьмы, и вот он сидел перед членами комитета в одном из двух своих лучших костюмов. Стул был немного маловат для его длинного тела ростом в шесть футов и три дюйма. Никогда за последние пять лет после приговора он не чувствовал себя столь уязвимым.

Один из юристов комитета должен был затронуть все области, которые могли вызвать подозрения. Его звали Джеффри Хендерсон. Он был похож на профессора, ему только-только стукнуло сорок, вел он себя очень спокойно и на протяжении всего заседания был честен с Лэндоном. Пока члены комитета разглядывали его, он прочитал какие-то сопроводительные документы. Лэндон закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди, сердце его бешено колотилось и, казалось, вот-вот выскочит наружу.

Все два с половиной года учебы на юридическом факультете Колледжа Вильгельма и Марии он вставал по утрам с осознанием того, что однажды этот день наступит. Выплаты по студенческим займам, бессонные ночи перед экзаменами, летние занятия, позволившие закончить учебу на полгода раньше, и трудности брака меркли перед пятью юристами, которые сидели перед ним и имели право решать, достаточно ли он чист, чтобы получить звание адвоката.

Адвокат! Как будто среди практикующих адвокатов мало тех, по сравнению с кем Лэндон — просто святой угодник.

— Комитет получил ваши рекомендательные письма и заявление. — Хендерсон говорил спокойно, его официальная манера речи лишь подчеркивала значимость момента: — Целью сегодняшних слушаний является рассмотрение выдвинутого в отношении вас обвинения в двух эпизодах получения взятки в связи с участием в спортивном мероприятии. В деле имеются сведения об участии в договорных матчах на позиции квотербека команды Юго-Восточного университета «Найтс», в том числе в двух играх с соперниками из Юго-Восточной конференции, «Кентукки» и «Вандербилт», во время первого года учебы в университете. Вы признали свою вину по обоим эпизодам и в течение двух лет до поступления в Колледж Вильгельма и Марии находились за решеткой. Кроме того, за время учебы в университете

вы допустили пять доказанных нарушений правил дорожного движения.

У Лэндона всегда были проблемы с правилами. Как и большинство спортсменов, он любил погонять, так что штрафов у него накопилось немало. Но сегодня они здесь собрались не по этому поводу. Он участвовал в одном из крупнейших скандалов в истории университетского футбола. И признался, что договорился о результатах игры с представителями двух университетов Юго-Восточной конференции, в отношении которых его команда лидировала. Но главные споры возникли по поводу одной из игр чемпионата Юго-Восточной конференции, в которой Юго-Восточный университет проиграл Алабаме. В этой игре Лэндон сделал три перехвата.

По этому эпизоду он упрямо отказывался признать свою вину. Обвинителям также не удалось доказать ее.

Первый вопрос последовал от человека, которого Лэндон записал в возможные союзники. Его звали Гарри Макнотен, вспыльчивый пожилой специалист в области уголовного права, страдавший от цирроза, но несмотря неблагоприятные прогнозы продолжавший жить. Он был тощим и желтушным, с сухой кожей и редкими седыми волосами, свисавшими на уши. Высокий лоб, продолговатое лицо и орлиный нос напомнили Лэндону о статуе одного из отцов-основателей Вирджинии, Джорджа Вита, которая возвышалась у дорожки, ведущей к Колледжу Вильгельма и Марии.

Макнотен оказался в комитете потому, что специалисты по уголовному праву взбунтовались из-за того, что долгие годы не были в нем представлены. Многие верили, что он добавил комитету либеральности и податливости, так что на его голос Лэндон рассчитывал.

— Полагаю, всем не терпится узнать, — проскрежетал Гарри, — зачем вы это сделали. Бог мой, да многие мои знакомые руку бы отдали, лишь бы выступить квотербеком в Юго-Восточной конференции! А вы слили свою команду ради пары тысяч баксов. — Гарри подался вперед и уставился прямо на Лэндона. — Мы все просто не находим этому объяснений.

Прежде чем ответить, Лэндон тяжело сглотнул. Ему хотелось поспорить. Формально он не предавал команду, лишь сократил возможный разрыв в игре, которую его команда все равно

выиграла бы. Но так делать было *нельзя*, и все это понимали. У Лэндона не было шансов, если он не рухнет на собственный меч*.

— Все сказанное мной не должно считаться оправданием совершенного, — начал Лэндон. Голос его дрожал, и это побуждало его лучше контролировать себя. — Я беру на себя всю ответственность за содеянное. Как спортсмен я не могу представить ничего позорнее, чем игра против собственной команды, даже в тех матчах, в которых — я знал — мы все равно должны были победить. Но тогда мне было двадцать, и я больше думал о себе, чем о товарищах по команде. Я только что узнал, что моя девушка беременна, и мы не хотели, чтобы об этом стало известно ее родителям. Мы еще не решили, оставим ли ребенка. У нас не хватало денег на прием у врача, а пользоваться страховкой ее родителей мы не могли, и я подумал, что, может быть...

Голос Лэндона дрогнул. Он посмотрел на передний ряд. Оттуда на него глядела Керри, голова ее была высоко поднята, как и всегда, с самого начала испытаний. Достоинство и гордость во взгляде лишь подчеркивали красоту ее миндалевидных глаз. Пожалуй, она желала ему победы больше, чем он сам. Он не мог позволить себе сорваться. Члены комитета решили бы, что он просто играет на публику.

— Смысл в том, что мне срочно нужны были деньги, и раздобыть их я мог только таким способом. Я знал, что можно слить пару очков, сохранив при этом победу за своей командой. Ничто из сказанного меня не оправдывает, и я стыжусь содеянного. Я навлек позор не только на себя, но и на команду, и на Керри. Меня это мучает до сих пор, потому что я подвел тех, кто сильнее всего обо мне заботился.

— В какой области вы хотите работать? — продолжил Макнотен. Остальные, похоже, были не против того, чтобы Гарри вел беседу.

— Я много размышлял над этим, — ответил Лэндон. Дрожь в голосе исчезла, и он старался говорить спокойно и смиренно. — Я хотел бы стать адвокатом по уголовным делам, но не из корыстных побуждений, как вы могли бы подумать. За решеткой я понял

* Выражение восходит к библейскому эпизоду, когда царь Саул покончил с собой, упав на собственный меч. См.: 1 Цар. 31:1–6. — *Примеч. ред.*

одну вещь: отбывающие наказание уже ни на что не надеются. Это заметно по глазам, внешнему виду, взглядам на жизнь. Наверное, это звучит по-детски, но я полагаю, что смогу подарить своим клиентам хотя бы небольшую надежду. Я знаю, каково это, когда закон всей своей тяжестью обрушивается на тебя, и возникает чувство, будто весь мир ополчился против тебя. Но я также знаю, что наша система предназначена для того, чтобы каждому дать шанс на искупление. Я бы внушал своим клиентам, что в случае принятия ими полной ответственности за содеянное, они могли бы измениться. Что когда-нибудь их жизни действительно будут чего-то стоить. И если мне доведется представлять их в суде, они поймут, что это не пустая болтовня.

Лэндон хотел сказать еще так много, но понимал, что время для этого не пришло. Эти адвокаты слышали подобное уже не раз. История Лэндона, как и многих других заключенных, касалась духовного искупления. В худший момент своей жизни он начал посещать занятия по изучению Библии, которые проводил бывший заключенный, а ныне профессор юридического колледжа Мейсон Джеймс. Мейс, как прозвали его заключенные, рассказывал истории из Библии о людях, оказавшихся в тюрьме, но ставших героями веры. Иосиф в Ветхом Завете, Павел — в Новом. Моисей совершил убийство. Давид — прелюбодеяние. «У вас еще есть надежда», — повторял Мейс. Но для того, чтобы жизнь изменилась, необходимы признание вины, покаяние и вера в Христа.

Примерно с полгода Лэндон относился к вере с подозрением, но в конце концов его убедил образ жизни профессора. Мейс не пропустил ни одного занятия, никогда не выказывал усталости и защищал тех, кто не мог позволить себе адвоката. Для Лэндона это стало примером того, как жить дальше.

В конце концов на Лэндона подействовала история о мытаре Закхее. Он, подобно бывшему футболисту, обманул многих, но это не помешало Иисусу подойти к нему. Закхей пригласил Христа в свой дом, воздал каждому, кого обидел, вчетверо, и Иисус провозгласил, что пришло спасение дому его. Когда Иисуса стали обвинять в том, что Он возлежит с мытарем, Он ответил: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее». Эти слова можно было отнести и к Лэндону.

Эта история вдохновила Лэндона написать письма с просьбой о прощении всем бывшим товарищам по команде и тренерам. Кто-то проигнорировал его послание. Кто-то ответил очень грубо. Но большинство, и среди них был бывший главный тренер Лэндона, проявили доброту. И Лэндон вложил копию письма от тренера в документы, поданные в Комитет по личностным качествам и профпригодности.

Самой молодой в составе комитета была блондинка, окончившая Университет Вирджинии и работавшая на одну из крупных ричмондских контор. Пока Лэндон рассказывал о своем желании защищать преступников, она рылась в каких-то документах.

— Комитет, помимо всего прочего, интересуется, полностью ли кандидат вернул свой долг обществу. — Она подняла взгляд на Лэндона. — Насколько я понимаю, сделка о признании вины подразумевает уступки с обеих сторон, а обвиняемый признал вину не по всем вменяемым эпизодам. Итак, господин Рид, я хочу знать, есть ли в вашем послужном списке еще игры, на результат которых вы повлияли, но не признались в этом?

Лэндон ждал этого вопроса. Все фанаты Юго-Восточной конференции считали, что на его счету еще как минимум одна игра.

— Только эти две. Во всех остальных играх, независимо от уровня, я выкладывался по полной.

— Некоторым из нас сложно в это поверить, — вмешался Гарри Макнотен. — В том году многие, поставившие на команду Юго-Восточного университета в чемпионате, остались без выигрыша. Не лучшая ваша игра.

— Наверное, это моя худшая игра, — согласился Лэндон. — Но я хотел победить.

— Сколько всего перехватов у вас было за весь юниорский сезон?

— За обычный сезон — семь.

— А сколько в этой игре?

— Три.

— А сколько фамблов?*

— Один.

Гарри кивнул, словно было сказано нечто вполне очевидное.

* Фамбл (от *англ.* fumble) — в американском футболе потеря мяча командой нападения. — *Примеч. ред.*

— Я попросил мистера Хендерсона установить пару телевизоров, чтобы мы могли кое-что посмотреть, — проговорил он.

Лэндон обратил внимание на установленные в зале мониторы. Один стоял на стойке прямо перед ним, другой — сбоку, чтобы комитет мог его видеть. В подобных залах часто стояли мониторы, и Лэндон не уделил им особого внимания — до настоящего момента.

Гарри навел пульт управления на телевизор.

— Я просмотрел всю ту игру чемпионата, — объяснил он. — В первых двух перехватах вы действительно невиновны. Один из них отбил ваш же ресивер. Во время второго вы оказались под большим давлением. Что касается фамбла под занавес игры — что ж, вы были ослеплены сломанной защитой. Но вот этот перехват в решающий момент, за пару минут до конца игры... выглядит он крайне подозрительно.

Гарри надел очки для чтения и завозился с пультом управления, но так и не смог запустить видео. Тогда он протянул пульт Хендерсону и пробормотал что-то не очень лестное в адрес техники. Возникла неловкая пауза, Лэндон заерзал на стуле, коленки у него задрожали, но он взял себя в руки. Он знал, что, несмотря на давление, должен оставаться спокойным.

— Если мы заставим-таки эту штуковину работать, — Гарри говорил так, словно речь шла не о телевизоре, а об адронном коллайдере, — не могли бы вы просмотреть эпизод и прокомментировать случившееся?

— С радостью.

Хендерсон нажал какую-то кнопку на пульте, и экран телевизора засветился.

— Наконец-то, — успокоился Гарри.

Впервые за долгие годы Лэндон видел этот кошмар. Вечером того же дня перехват вновь и вновь повторяли по «И-эс-пи-эн», но к тому времени бывший футболист был слишком пьян, чтобы волноваться по этому поводу. Позже, когда началась шумиха вокруг договорных матчей, видео часто проигрывали на «И-эс-пи-эн». Лэндон прикинул, что фанаты футбола успели просмотреть эту запись раз по двадцать.

Команда Юго-Восточного университета проигрывала одно очко, была ее подача, а до конца игры оставалось меньше трех

минут. В командном зачете Вегас опережал Алабаму на четыре очка, и его команде нужна была победа. Несмотря на предыдущие перехваты, защита университетской команды должна была оставаться в игре.

На этом розыгрыше защита выиграла, и любимый нападающий Лэндона бежал вперед по бровке. Рядом с ним бежал защитник соперников. Но бросок оказался слишком коротким, как раз нападающему в спину. Защитнику оставалось только обернуться, отбить подачу, подобрать мяч и промчаться почти пятьдесят ярдов до конечной зоны. Толпа взревела, и комментаторы умолкли.

— Бросок пришелся точно в него, — указал Макнотен на защитника. — Мяч не долетел до цели ярдов пять. Мы, конечно, не специалисты по футболу, но, думаю, комитету интересно будет услышать объяснение, как такой сильный квотербек, как вы, мог сделать такой бросок.